
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ КАК НАУКА. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

УДК 82.0

МАХЛИН В.Л.¹ «ЛИТЕРАТУРНАЯ ТЕОРИЯ» КАК ВЫЗОВ АКАДЕМИЧЕСКОМУ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЮ, (1960–1990-е годы). ЧАСТЬ 1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ.

DOI: 10.31249/lit/2021.03.01

Аннотация. Статья посвящена феномену «литературной теории» на Западе во второй половине XX в. Если в первой половине XX в. литературоведение и другие гуманитарные науки стремились обосновать свою независимость от других дисциплин (свою автономию), оппонируя академической науке XIX в. и систематической философии, то во второй половине XX в., литературная теория пыталась сохранить принцип автономии («литературности») и в то же время выйти за его пределы, опираясь на другие дисциплины (в особенности на лингвистику); в результате возник междисциплинарный проект, именуемый «Теорией». Хотя достижения литературной теории в целом противоречивы и спорны,

¹ **Махлин Виталий Львович** – доктор философских наук, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН.

проблемы и вопросы, которые она пыталась разрешить, остаются актуальными еще и сегодня.

Ключевые слова: литературная теория; гуманитарные науки; формалистическая парадигма; революционная / нормальная наука; принцип автономии.

MAKHLIN V.L. «Literary theory» as a challenge to academic literary studies, (1960s–1990s). Part 1. The historical background of «Literary theory».

Abstract: The article concerns the phenomenon of so-called «literary theory» in the West in the second half of the twentieth century. While in the first half of the century literary studies (and humanities in general) sought to justify their own autonomy, i.e. independence from other disciplines and systematic philosophy, struggling against the traditions of the nineteenth century, in the second half of the twentieth century literary theory tried to preserve the autonomy principle of «literariness» and at the same time to go beyond this principle by relying on other disciplines (particularly linguistics). Although the achievements of that trend seem to be controversial and problematic, some questions literary theory raised in its own time are still relevant today.

Key words: literary theory; humanities; revolutionary science / normal science; formalistic paradigm; the autonomy principle.

Для цитирования: Махлин В.Л. «Литературная теория» как вызов академическому литературоведению, (1960–1990-е годы) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2021. – № 3. – С. 9–22. DOI: 10.31249/lit/2021.03.01

Ориентация

1. Предлагаемый критико-аналитический очерк – попытка рассмотреть и оценить, в историко-систематической ретроспективе, феномен «литературной теории» (далее – ЛТ) в ее различных аспектах – литературно-критическом, социокультурном, общественно-политическом, философском. Именно разноаспектность и многозначность сделали ЛТ знаковым явлением (можно сказать – событием) в литературоведении и далеко за его институциональ-

ными границами в исторически определенное время, а именно – во второй половине XX в.

Современные гуманитарные науки (отчасти и философия) – непосредственные наследники не только и не столько так называемых научных результатов ЛТ, сколько ее *проблем*, т.е. тех трудностей и вопросов, которые ЛТ в свое время не боялась вскрывать и ставить на повестку дня. В терминах известной книги Томаса Куна о научных революциях [14] можно сказать, что в *свое время* ЛТ представляла «революционную науку», которая во второй половине XX в. была возобновлением и вместе с тем завершением всей так называемой «формалистической парадигмы», – ее начало обычно связывают с русским формализмом пореволюционного десятилетия [3].

Это и многое другое, о чем пойдет речь в данном критическом очерке, ставит современного исследователя в особое отношение к предмету – отношение объективное, но не внешнее, в котором целесообразно разобраться до всякого конкретного анализа.

2. Особенность *современной* (после конца Нового времени¹ в прошлом столетии) духовно-идеологической и научно-гуманитарной ситуации состоит, по-видимому, в том, что мы, будучи фактически наследниками всех революций XX в. (в общественном мире, в науке, в искусстве и т.п.), вынуждены учитывать два основных и

¹ С Новым временем здесь связывается, во-первых, просто традиционное, хронологически определенное представление о постсредневековом и постренессансном периоде европейской истории с XVII по XX в.; фактическим (и символическим) концом этого периода можно считать 11 сентября 2001 г., после которого глобальная духовно-идеологическая констелляция в мире стала во многом иной. Во-вторых, понимание Нового времени сегодня определяется, на наш взгляд, тем, насколько осмыслена фронтальная критика в прошлом столетии идеалистических и утопических традиций и предрассудков Просвещения и Нового времени в целом (в особенности XIX в.). В-третьих, отметим, что идеологическая культура Нового времени и критика ее в гуманитарных науках и в философии XX в. рискуют в постсоветском контексте быть восприняты односторонне или просто неверно в силу того, что в России Новое время было насильственно прервано и подменено «новым Средневековьем»; сегодня это заметно дезориентирует, помимо прочего, науки общественно-исторического опыта мира жизни, чаще называемые «гуманитарными». Отсюда актуальность новых подходов также и к «литературной теории» и «Теории» на исходе Нового времени в прошлом веке.

как бы противоречащих друг другу факта. С одной стороны, ЛТ, в 1980–1990-е годы распространившись по всему миру, давно исчерпала былой творческий потенциал, растиражировалась и заняла прочные позиции в университетах Запада и России, сделавшись «нормальной наукой» вопреки своим же первоначальным «революционным» импульсам и пафосу. Если на своей генеральной и «гениальной» стадии – в 1960-е годы – ЛТ отличалась в такой же мере оригинальностью, в какой и вызывающим, конфликтным характером выступлений против академического литературоведения и, шире, против «буржуазных» традиций в обществе, науке и искусстве (отчасти и против «нормальности» как таковой), то уже в 1980-е годы на Западе (а в России – десятилетием позже) ситуация заметно изменилась. Казалось бы, ЛТ – это недавнее, но уже прошлое гуманитарных наук, недавняя, но все же история, институционально влиятельная постольку, поскольку она давно перестала быть движением, поиском, направлением, «драйвом» и «трендом», т.е. настоящим событием. В прошлое почти вовсе ушла «революционная» эпоха, а вместе с ней и «время Теории» в том особом значении, которое вкладывало в это слово само время в 1960–1970-х годах прошлого столетия [23].

Но, с другой стороны, *вопросы*, поднятые ЛТ, далеко не равны ее ответам. В этом отношении ЛТ не прошлое и не настоящее, а скорее совершившееся, но незавершенное «прошлое в настоящем», которое может показаться и очень далеким, и очень близким, – во всяком случае, совсем не случайным эпизодом в памятной еще многим истории научно-гуманитарной мысли на исходе Нового времени.

3. В силу отмеченной неустранимой двойственности современного восприятия ЛТ актуальным представляется такой критический анализ ее, который соответствовал бы двум основным значениям понятия «критика»: нужен позитивный историко-систематический *разбор* ЛТ, и нужна *критика* ее, а равно и всей формалистически-структуралистской парадигмы XX в. Иными словами, продуктивно не отрицание, не полемика и тем более не апология, но скорее отрицание того, что ЛТ *только отрицала* в предшествовавшей ей научно-гуманитарной («гуманистической»)

традиции. Перспективнее поэтому не столько аргументация «против» или «за», сколько по-особому историчный подход, связывающий недавнее прошлое гуманитарных наук с их нынешним состоянием в современной социокультурной ситуации. Такой подход, конечно, невозможен ни для эпигонов, ни для оппонентов, ни для третьей точки зрения, сложившейся уже к началу 1980-х годов, которую М.А. Лившиц со своих позиций метко назвал в свое время «эклектическим двоемыслием» [15, с. 163].

Как бы ни относиться к ЛТ сегодня, важно понять наше историческое место в этом «сегодня», когда, похоже, невозможна ни «революционная», ни даже «нормальная», а разве что *институциональная* наука, которая по этой самой причине сама оказывается в кризисе. Ведь после конца Нового времени в прошлом веке само представление о «новом» и «актуальном» не могло не измениться. В новом столетии и тысячелетии ресурсы чего-то по-настоящему нового в гуманитарном мышлении и познании – не в эффектной или эпатажной новизне (характерной для ЛТ), а скорее в таких открытиях и свершениях далекого или недавнего прошлого, смысл которых еще не вполне реализовался и раскрылся в одном только «своем» времени. В перечтениях и переоценках нуждается, среди прочего, и феномен ЛТ, который наша современность, возможно, еще сумеет со временем поставить на историко-научную и теоретическую повестку дня – причем, скорее, не как «новую», а как по-новому старую проблему.

В данной, первой, части настоящего очерка предлагается предварительный общий ответ на вопрос, «что такое» ЛТ в научно-гуманитарном контексте XX в. Во второй части будут проанализированы основные проблемные понятия ЛТ. В заключительной части мы попытаемся вернуться к общей оценке ЛТ в перспективе других возможных ответов на ее вопросы, поскольку современное научно-гуманитарное мышление *разделяет* проблемы ЛТ, даже пытаясь их обойти или «переиграть».

Что такое литературная теория?

4. Понятие «литературная теория» (ЛТ) имеет два основных значения, более узкое (дисциплинарное) и более общее (междисциплинарное). Во втором значении ЛТ называется просто «Теорией».

Первое значение относится в основном к истории литературоведения и литературной критики XX в.: в 1950-е годы подспудно сложились, а в 1960–1970-е годы как бы прорвались наружу – в резком полемическом противостоянии с «нормальной» академической наукой – новые представления и подходы к литературе, к ее *ценностному месту* в социокультурном сознании. Место, которое было традиционным, академическим, как бы вдруг стало проблематичным, и ЛТ вознамерилась его «взорвать» или, во всяком случае, принципиально оспорить.

Эта общеевропейская тенденция, или «волна», заявила о себе и в СССР. Но если во Франции в 1960-е годы ЛТ позиционировала себя как «революционная наука» в куновском смысле, то в стране Октябрьской революции молодые филологи избегали слова «революция» (здесь это было слово официального языка власти, утратившего доверие), делая акцент либо на «научности» (как Ю.М. Лотман и его школа¹), либо на «теории» (как авторы трехтомной «Теории литературы» 1962–1965 гг., изданной в ИМЛИ). В то время как структуралистская семиотика и на Западе, и в СССР, при всех различиях, опиралась на русский формализм пореволюционной эпохи, – понятие «теории» у молодых литературоведов из ИМЛИ ориентировалось скорее на романтико-идеалистическую («классическую») эстетику, *основания* которой западноевропейская ЛТ как раз и стремилась «деконструировать» и «взорвать».

Тем не менее как в западноевропейском контексте 1960-х годов, направленном на отрицание «буржуазной» культуры (с ее «идеализмом» и «гуманизмом»), так и в тогдашнем советском контексте, ориентированном скорее на гуманистически окрашенную, идеальную, ценность «культуры», – в центре внимания оказалась *литература*. Вопросы литературной критики и истории литерату-

¹ Ср. известную статью-манифест Ю.М. Лотмана «Литературоведение должно быть наукой» (1967), напечатанную в «Вопросах литературы» в ходе тогдашней дискуссии о структурализме [16].

ры по-особому переплелись с философской, теоретической, даже политической проблематикой гуманитарных наук. Почему?

5. Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, как нам кажется, понять парадоксальную *трансформацию*, которую претерпело само представление о литературе в литературоведении XX в. Происшедшая в результате этой трансформации *смена акцента* проливает свет на такую особенность ЛТ, которая существенно отличает ее от литературно-критических тенденций первых десятилетий минувшего столетия.

В первой трети XX в. гуманитарные науки стремились, прежде всего и главным образом, к *автономии*, в нашем случае – к независимости литературоведения как науки от других областей знания (в особенности от теоретической философии), – вообще от всего, что *не есть* литература, не есть «литературность». Так понятую *ценность* литературы, методически обесценивавшую в качестве пассивного «материала» все то, что классическая (идеалистическая) эстетика, история литературы и литературная критика XIX в. относили к «содержанию» художественного произведения и искусства в целом, с особой резкостью выразил, как известно, «формальный метод» в России в относительно недолгий, но чрезвычайно насыщенный период западноевропейской и российской истории, который русский писатель Е.И. Замятин назвал в одной из своих критических статей (1924) «столетним десятилетием» 1914–1923 гг. [8, с. 101].

Стремление к автономии было в то время общей тенденцией, «требованием смежных наук», как выразился другой современник, выдающийся филолог-мыслитель Л.В. Пумпянский [17, с. 33]. Революция и, по терминологии упомянутого Т. Куна, «смена парадигм» происходили тогда фактически одновременно во всех трех областях духовно-идеологического творчества – в мире общественной жизни, в мире искусства и в мире науки; при этом каждая область творчества заявляла о своих правах. Это притязание, или претензия, объединяет русский формализм со структурализмом в некоторое парадигматическое единство, определившее характер ЛТ¹.

¹ См. в связи с этим исследование Яна Брекмана с характерным названием: «Структурализм: Москва – Прага – Париж» [3].

В литературоведении борьба за автономию, за отделение поэтики от теоретической эстетики и систематической философии, от всего, что *не* есть чистая «литературность», привела к тому, что к середине XX в. принцип автономии, скажем так, «победил» – если не принципиально, то институционально. Традиционное представление о литературе, о «книге» как важнейшем ферменте и компоненте культуры и образования, какое-то время еще держалось «после Освенцима». Отсюда высокий статус литературной науки или литературных кафедр в западном мире и, по-своему, в СССР – вплоть до 1960–1970-х годов, когда место литературы и гуманитарного образования стало заметно меняться. Уже тогда заявили о себе деструктивные процессы, следствия которых стали более очевидны в 1990-е годы и особенно в новом столетии¹.

ЛТ остро почувствовала вокруг 1960 года некий, пока еще малозаметный, объективный перелом и отреагировала на него по обе стороны «железного занавеса» [11].

6. Решающий новый сдвиг, назревавший уже в 1950-е годы, громко заявил о себе в середине 1960-х годов, прежде всего – во Франции. В науке о литературе (как и в других гуманитарных дисциплинах) *принцип автономии, «победив», привел к кризису то самое, что казалось «позитивными результатами» фронтальной борьбы за автономию литературности.* Институционально достигнутая автономия уже в середине прошлого века начала стихийно восприниматься не столько как преимущество, сколько как ущербность и как бы ловушка. Сегодня эта ситуация никого не удивит: литературоведение все чаще обращается не столько к «формальным», сколько, наоборот, к «содержательным» аспектам литературы (историческим, общественно-политическим, биографическим, психоаналитическим, философским, религиозным

¹ Поучительную историю образовательных дисциплин на Западе на исходе Нового времени представил канадский исследователь Билл Ридингс в переведенной у нас книге «Университет в руинах». В этом исследовании показано, каким образом современный университет, детище немецких идеалистов начала XIX в. (Гумбольдта, Фихте, Шлейермахера), начиная примерно с 1960-х годов от десятилетия к десятилетию утрачивал прежнее значение «образования / культуры» (Bildung), все больше превращаясь в коммерциализированную «институцию» (см.: [18]).

и т.д.), как если бы вопрос о так называемых художественных особенностях литературы был вполне решен или утратил свою актуальность. А тогда, в первые послевоенные десятилетия, вдруг возникшее ощущение нехватки, неполноценности автономии литературы и литературоведения переживалось, так сказать, на обе стороны: «литературность» оставалась актуальной проблемой, но решать ее стали как бы в обратном направлении – в процессе восполнения принципа автономии возникла потребность, как сегодня сказали бы, в «междисциплинарности».

Иными словами, в историко-систематическом отношении ЛТ занимает как бы промежуточное положение между установкой на «литературность» в начале XX в. и поисками выхода за пределы принципа автономии в конце XX в. Насколько удачными были эти поиски – другой вопрос; его мы коснемся в следующих частях этого критического очерка. Сейчас важно следующее: формирование ЛТ в 1950–1960-е годы имело конкретные исторические предпосылки и общественно-политические импликации в литературно наиболее зрелых культурах (как французская) и в «литературоцентричных» культурах (как русская).

Уместно заметить здесь, что кризис принципа автономии как такового наиболее глубоко был осмыслен в немецкой философии уже во время или вскоре после Второй мировой войны. Репрезентативной в этом отношении можно считать книгу немецкого философа и теолога итальянского происхождения Романо Гвардини «Конец Нового времени» (1950), в которой (задолго до шумных дискуссий о «постмодерне») тезис о кризисе и «конце» четырехвекового цикла европейской истории, именуемого Новым временем, прямо обуславливался распространением принципа автономии во всех областях духовно-идеологической жизни, что привело – и вопреки, и благодаря великим достижениям – к тупику и катастрофе; «мятежная вера в автономию сделала его (Новое время. – В. М.) слепым» [6, с. 153]. По мысли Р. Гвардини, три основополагающих понятия Нового времени – «природа», «культура», «личность», – обретя как бы самоценную автономию в научном и общественном сознании, постепенно утратили отношение к тому, что больше их самих, к тому, что обуславливает и питает всякую

автономию в историческом мире жизни. Культ «природы», «культуры» и «личности», в конце концов, лишил эти идеализированные реальности условий их собственной возможности, т.е. их жизненных оснований за пределами самой автономии. В этом смысле Новое время оказалось «слепым».

Независимо ни от какой философии ЛТ по-своему переживала и пыталась преодолеть описанную Гвардини ситуацию. Даже там, где она называлась как-то иначе или не называлась вообще, «время теории» поставило перед ЛТ парадоксальную, но объективную задачу. С одной стороны, возникла необходимость сохранить самоценный статус литературы в распадающемся мире; с другой стороны, новая современность требовала выйти за пределы автономии литературы и «литературности» и опереться при этом на достижения наиболее «научных» (общезначимых) гуманитарных дисциплин. Такой дисциплиной считалась тогда в особенности лингвистика.

Роль связующего звена между формализмом 1920-х и структурализмом 1960-х годов, как известно, сыграл Роман Jakobson. Акцент им теперь делался на автономном анализе литературы (точнее, «поэтического языка»), но подлинный импульс, или мотив, был (как и за 40 лет до того) скорее «инонаучным», т.е. определялся он не риторикой и не отвлеченно-теоретическими соображениями, а традицией видеть в литературе, в искусстве высшую, *исключительную* ценность, как бы очищенную от всего иного. При этом, однако, еще резче, чем в начале века, выступило изначальное противоречие русского формализма: стремление к «чистой» литературности компенсировалось внелитературными аргументами, заимствованными преимущественно из лингвистики как якобы тоже чистой, «строгой науки». В результате с научной точки зрения аргументация была разнородной и проблематичной, а с «инонаучной» точки зрения (конкретно-исторической, контекстуальной), наоборот, могла показаться убедительной и научной. Это противоречие ярко иллюстрируется нашедшей в свое время статью Р. Jakobsona «Поэтика и лингвистика» (1960) [17]¹.

¹ Р. Jakobson пытался здесь обосновать чистую автореферентность (автономию) «поэтической функции» в ее отличии от других функций «сообщения»;

7. Последствия революции в гуманитарном мышлении первых десятилетий XX в., – «кайроса герменевтической историографии» в условиях «практического семинара по мировой истории», по словам Эриха Ауэрбаха [2, с. 127, 132], – отразились в послевоенных «теориях литературы» – американской Р. Уэллека и О. Уоррена (1949) [20] и советских Г.Н. Пospelова и Л.И. Тимофеева. Как всякая «нормальная» для своего времени наука, эти и подобные систематические труды, написанные в жанре учебника (и на годы ставшие авторитетными учебниками), при всех идеологических и научных различиях между ними, пытались включить «революционную» науку 1910–1920-х годов в упорядоченное, стабильное, как бы готовое единство науки в послевоенной общественно-политической ситуации холодной войны, а принцип автономии как-то ввести в традиционную модель истории литературы. Но уже в середине 1950-х годов – в то самое время, когда Натали Саррот, французская писательница русского происхождения, размышляя о разладе взаимоотношений между героем, автором и читателем в современной литературе, ввела понятие «эра подозрения» [19], – в литературной критике (как и в самой литературе) возникли новые веяния, и само понятие «нового» вновь стало актуальным и популярным, как во времена футуризма. И вот в контексте 1960-х годов окончательно сложилась концепция ЛТ, самым своим названием полемически заостренная против академического канона «теории литературы». Тем самым мы вплотную подошли ко второму основному значению понятия «литературная теория».

но, поскольку такой идеальной чистоты достичь по-прежнему не удавалось, ему приходилось компенсировать недостаточность и необедительность своей аргументации ссылками на другие «функции», относящиеся не столько к поэтике, сколько к лингвистике. Ученик Р. Барта Антуан Компаньон отмечает в своей ретроспективной книге «Демон теории» (1998), что, хотя статья Р. Якобсона в научном отношении «носит довольно зыбкий характер», она тем не менее стала «чем-то вроде святой святых заповедей теории», т.е. не по научно-теоретическим, а по социокультурным основаниям: «...в тогдашней атмосфере недоверия к содержанию, созданию которой способствовала и сама эта статья, все молчаливо заключили, что поэтическая функция связана исключительно или почти исключительно с формой сообщения»; что, следовательно, «поэтическое сообщение изъято из референциальности, и поэтический язык сам себе служит референтом» [12, с. 117, 118].

8. Это второе значение, как и первое, негативно; причем теперь негативность двойная: она отныне проникает внутрь того, что прежде утверждалось в качестве автономной «литературности».

Впрочем, сами русские формалисты уже во второй половине 1920-х годов, как известно, фактически отказались от декларированного поначалу анализа чисто «литературного ряда» и стали ориентироваться на другие «ряды» (биографический, социологический, лингвистический). Эта методическая смена акцента произошла тогда не столько по «внешним» причинам (как было принято думать в советские времена и у нас, и на Западе), сколько по «внутренним»: не удалось, как хотели, обосновать автономию «литературности» и приходилось теперь искать специфику литературы *вне* ее.

Нечто подобное произошло в 1960-е годы с ЛТ: начав с поисков автономии литературы, Р. Барт, Ж. Греймас, Ю. Кристева, Ц. Тодоров и другие обратились (одни раньше, другие позже) к *внелитературным* аспектам литературы, проецируя на словесно-художественное творчество («тексты») понятия и термины, заимствованные из других гуманитарных дисциплин: из лингвистики (Р. Якобсон), антропологии (К. Леви-Стросс), психоанализа (З. Фрейд, Ж. Лакан), а также из философии (Л. Альтюссер, М. Фуко, Ж. Деррида и др.). На этом пути ЛТ, или «Теория», осознанно стремилась утвердить принцип «*деконструкции*» самой автономии (автора, произведения, текста и т.п.) – принцип, заимствованный из новейшей (французской) философии [7], позднее повлиявший на американский деконструктивизм [5], [11]¹.

¹ В отличие от русского формализма, резко отделявшего себя от философии, французская ЛТ развивалась в тесном контакте с так называемым мышлением 68-го года во Франции, которое – как показано в одноименном полемическом исследовании Люка Ферри и Алена Рено [21], – полемически позиционировало себя, так или иначе, как «теоретический антигуманизм», опиралось на немецкую философию (Маркс, Ницше, Фрейд, Хайдеггер и др.). Не будет преувеличением сказать, что переход от структурализма к пост- или неоструктурализму и превратил ЛТ в междисциплинарную «Теорию». Связи ЛТ с французской философией 1960–1980-х годов рассматриваются в фундаментальных лекциях выдающегося немецкого философа и литературоведа Манфреда Франка «Что такое неоструктуризм» [22].

9. С конца 1960-х до середины 1970-х годов ЛТ все больше проникалась политическими интересами, а потом хоть и стала терять «подрывной» революционный напор, зато начала распространяться по всему научно-гуманитарному миру. И наконец в последние десятилетия прошлого века ЛТ стала восприниматься как «Теория» (с большой буквы), включающая в себя и традиционные, и относительно новые (феминизм, например) дисциплины, противопоставляющие себя в качестве «нового» традиционной академической науке (см.: [1], [8], [9], [10]).

Таким образом, в последние десятилетия XX в. ЛТ снова и еще основательней, чем прежде, взяла на себя – в качестве «Теории» – функции альтернативы традиционной теоретической философии, философской новой легитимации литературы, литературной критики и гуманитарных наук в общественно-исторической и научной ситуации конца Нового времени. Идея и тренд «Теории» породили такие ответвления, как «культурная теория» [4], «критическая теория» [13] и другие ныне здравствующие «теории». Насколько оправдались возлагавшиеся на ЛТ надежды 1960-х годов? А если надежды не оправдались, то почему? И чем оказывается «демон теории» уже не в своем времени, а в условиях нашей современности? В этих вопросах мы попытаемся разобраться в следующих частях нашего критико-аналитического очерка.

Список литературы

1. Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. – Москва : Наука, 1977. – 371 с.
2. Ауэрбах Э. Филология мировой литературы (1952) / пер. с нем. под ред. Махлина В.Л. // Вопросы литературы. – 2004. – № 5. – С. 123–139.
3. Брёкман Я.М. Структурализм : Москва – Прага – Париж.
Broekman J.M. Structuralism : Moscow – Prague – Paris / transl. by Beekman J.F., Helm B. – Dordrecht ; Boston : D. Reidel publishing, 1974. – 117 p. – Engl. transl. of: Broekman J.M. Strukturalismus : Moskau, Prag, Paris. – Freiburg ; München : Alber, 1971. – 174 S.
4. Бэрри П. Начальный курс теории : введение в литературную и культурную теорию.
Barry P. Beginning theory : introduction to literary and cultural theory. – 3 ed. – Manchester ; New York : Manchester univ. press, 2009. – 338 p.
5. Деконструкция и литературная критика.

- Deconstruction and criticism / Bloom H., De Man P., Derrida J., Hartman G.H., Miller J.H. – New York : Seabury press, 1979. – 256 p.
6. Гвардини Р. Конец нового времени // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 127–163.
 7. Голобородько Д.Б. Концепция разума в современной французской философии. М. Фуко и Ж. Деррида. – Москва : ИФ РАН, 2011. – 177 с.
 8. Замятин Е.И. О сегодняшнем и современном (1924) // Замятин Е.И. Я боюсь : литературная критика. Публицистика. Воспоминания / сост. и комм. Галушкина А.Ю. – Москва : Наследие, 1999. – С. 101–112.
 9. Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – Москва : Intrada, 1996. – 255 с.
 10. Ильин И. Постмодернизм : от истоков до конца столетия. – Москва : Intrada, 1998. – 255 с.
 11. Кабанова И.В. Введение // Современная литературная теория : антология / сост., пер., примеч. Кабановой И.В. – Москва : Флинта : Наука, 2004. – С. 7–21.
 12. Компаньон А. Демон теории : литература и здравый смысл (1998) / пер. Зенкина С. – Москва : Изд-во Сабашниковых, 2001. – 334 с.
 13. Критическая теория в России и на Западе. Critical theory in Russia and the West / ed. by Renfrew A., Tihanov G. – London ; New York : Routledge, 2010. – xviii, 220 p.
 14. Кун Т. Структура научных революций (1962). – Москва : АСТ, 2001. – 605 с.
 15. Лившиц М.А. Мифология древняя и современная. – Москва : Искусство, 1980. – 584 с.
 16. Лотман Ю. Литературоведение должно быть наукой // Вопросы литературы. – 1967. – № 1. – С. 90–100.
 17. Пумпянский Л.В. Классическая традиция : собрание трудов по истории русской литературы / вступ. ст., подг. текста и примеч. Николаева Н.И. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – 864 с.
 18. Ридингс Б. Университет в руинах (1995). – Москва : Высшая школа экономики, 2010. – 300 с.
 19. Саррот Н. Эра подозрения / пер. Зониной Л. // Саррот Н. Тропизмы. Эра подозрения. – Москва : Полиформ-Талбури, 2000. – С. 194–214.
 20. Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы. – Москва : Прогресс, 1978. – 324 с.
 21. Ферри Л., Рено А. Мышление 68-го года : эссе о современном антигуманизме. Ferry L., Renaut A. La pensée 68 : essai sur l'anti-humanisme contemporain. – Paris : Gallimard, 1985. – 293 p.
 22. Франк М. Что такое неоструктурализм?
Frank M. Was ist Neostukturalismus? – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1984. – 615 S.
 23. Френч П. Время Теории : история «Тель Кель», (1960–1983).
French P. The time of Theory : a history of Tel Quel, (1960–1983). – Oxford : Clarendon press, 1995. – 306 p.
 24. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм : «за» и «против». – Москва : Прогресс, 1975. – С. 193–230.